

ной стороны узлом. Он принес их домой и разложил на старой газете. Жена позвала его ужинать. Ракушки немного подсохли и стали подпрыгивать вверх, чтобы посмотреть, как художник нарисовал маленькую волну, похожую на большую медузу. Увидев, они тут же облепили картину со всех сторон. Некоторым из них захотелось искупаться, и они прыгнули в воду. Художник вернулся в мастерскую вместе с женой, чтобы показать ей портрет маленькой волны и волшебные ракушки.

— Голубушка, Вам эти ракушки к лицу, — сказал он, обращаясь к маленькой волне, потому что был очень, очень деликатный.

— Какая я счастливая, — сказала жена и почему-то побежала за соседкой.

— Какая я счастливая, — сказала соседка и почему-то посмотрела на художника.

— Я тоже счастлив, потому что могу показать людям мир таким, какой он есть, — улыбался художник.

В это время в комнату влетел воробей. Он метался между людьми и, наконец, сел на картину.

— Чири-чири-чирищур я счастливый! — прочирикал воробей и перепрыгнул с края картины на камень, что торчал из воды в правом верхнем углу, да так там и остался.

С того самого "давным-давно", когда все это и случилось, все люди, которым посчастливилось увидеть картину, стали говорить, что они счастливые. Но больше всего повезло мне, потому что картина висит у меня дома, и волшебные ракушки рассказывают мне сказки, а воробей иногда летает по квартире и поет песню о том, что он — самая прекрасная муза на свете. И тогда я сама начинаю придумывать сказки и песни. А это — мое счастье, подаренное мне художником.

Это — Дракула!

Как он мог вернуться к ней после всего, что между ними было?

Одни считают, что это та самая любовь, которая, как говорится, глаза застит. Другие придерживаются мнения, что он просто олух Царя Небесного. Иммигрант из Одессы, приехал в Нью-Йорк с женой лет 25 назад, днем работал, вечером учился, сперва грыз гранит английского, потом мрамор юриспруденции, подсиживал одних, водил в ресторан других, короче, лез вон из шкуры, пока не докарабкался до должности в роскошной юридической фирме, бешеной зарплаты, 60-летия. Но третьи утверждают, что на самом деле Леон, Ленья Аппельбаум, просто отомстил бывшей любовнице самым жестоким из всех возможных способов — заставив жить с ним.

Ну хорошо, давайте попробуем разобраться сами.

В ветреный февральский вечер Леон заходит в стриптиз-клуб на Вест 36-й стрит, где знакомится с танцовщицей Линн Кроссбин. Она приехала в Нью-Йорк из Женевы по студенческому обмену. Ей — 22 года. Сначала она хотела учиться, но потом оказалось, что она уже многое умеет безо всякого колледжа. От стойки бара они переходят в отдельный кабинет, где Леон за каких-то 250 баксов переживает оргазм десятилетия. А может быть, и всей жизни. Он потрясен до основ.

Красива ли его новая любовь, нет ли — вопрос спорный. Кому что нравится. У нее большая грудь, великолепные ноги, голубые глаза, черные, как смоль, волосы и настоящий талант к тому роду деятельности, которая на данном этапе жизни интересует Леона больше всего на свете. Тут главное: не изображать непонимания на лице. Жена, с которой прожито 30 с лишним лет. Дети, постоянно забывающие поздравить тебя с днем рождения. Что там еще? Один взгляд в зеркало — и испорченное на целый день настроение. Вам это незнакомо?

Аппельбаум, чьи доходы исчисляются в последние годы миллионами, легко снимает Линн квартиру в одной из стеклянных башен Верхнего Ист-Сайда и заваливает подарками. Они ужинают в "Ла Мадри" и "Бабо", купаются в Майами, слушают в Метрополитене вердиевский "Реквием", когда оркестром дирижирует модный в том сезоне Гергиев, а в труппе певцов — бесподобная Рине Флеминг. Линн старается скрыть зевоту, публика в вечерних нарядах привлекает ее куда больше происходящего на сцене.

Семейная жизнь катится в тартарары. Мадам Аппельбаум с подозрительной легкостью соглашается на развод. Конечно, если бы у нее был какой-то компромат на предателя, в суде она бы смогла урвать максимум. Ее разбитая жизнь стоит денег. Но где взять этот компромат?

Очень скоро она получит ответ на свой вопрос, но до этого мы должны ввести в нашу историю 25-летнего Вашингтона Нелсона. Он, пока это секрет, любовник любовницы ее мужа. Нелсон тоже танцор. Он работает в клубе для женщин, где счастье подержаться за красивое мужское тело стоит двадцатку. Сложенную вдоль купюру аккуратно вкладывают под резинку плавок танцора.

Нелсон нужен Линн для удовлетворения тех потребностей, которые ее пожилой друг удовлетворить не в состоянии. Она любит это дело. Она всегда хочет еще. По молодости и простоте она, конечно, не пользуется словом "потребности". Для нее это — романтика. Тайная игра, которая украшает ее серые будни с нудным стариканом. Она стоит в одних туфлях у окна спальни и смотрит на разноцветные коробочки автомашин, ползущих по дну ущелья под ее ногами. Скоро-скоро у входа в ее дом должен появиться парень в желтой куртке. С высоты, где она находится, он будет похож на желтую булавочную головку на черной после утренней поливки мостовой. Нелсон.

Ничего не поделаешь, содержание молодой женщины в некоторых случаях включает оплату услуг помощника, который поддерживает тонус подруги так же, как спортивный "Мерс" красного цвета, платиновый браслет с четырехкратной россыпью бриллиантов или новые туфли от Маноло Бланика.

Занятно, что перечисленные вещи рядоположны для Линн в плане стоимости. Ведь для их приобретения она пользуется одной и той же кредитной карточкой, полученной от своего плешивого сожителя. Да, он лысоват. В смысле лыс, как колено, но более морщинист. Чем колено, я имею в виду.

Как утверждают некоторые постаревшие, но успевшие много повидать женщины, все мужики — одинаковы. Отчасти они правы. Казалось бы, что общего у юриста, разбирающего миллиардные корпоративные тяжбы, и стриптизера, которому природа не дала равным счетом ничего, кроме здорового и красивого тела? Что?! Одна и та же тяга к этим мягким губам, к этой наливной груди, круглой и твердой, как два круга швейцарского сыра! О, этот сыр! У меня у самого при одной мысли о нем начинается обильное слюновыделение!

Вторая общая черта — тяга к деньгам.

И все же разница между ними есть. Работа дает малообразованному парню из Гарлема практически неограниченный доступ к женской плоти. Он может выбирать из тех, кто мечтает быть с ним. Другое дело — деньги! Для их добычи ему уже надо предпринимать дополнительные усилия, и вот тут ему остается только полагаться на везение.

Пожилой юрист с Вест-Сайда получает большие деньги благодаря своей работе, но с женщинами — все иначе! В поиске нужной ему он может рассчитывать все на то же везение.

Вы поняли мою мысль? Оказываясь в ситуациях, где их профессиональная квалификация неприменима, оба напарываются на большие неприятности. Любовную историю Аппельбаума не отнести к числу житейских удач. Равно и попытка Нелсона заработать пару-другую баксов терпит крах.

План молодых любовников сводится к тому, что Нелсон должен убить мадам Аппельбаум, оставив возле мертвого тела очки ее мужа. Очки, переданные ему Линн, станут смертельной уликой, которая отправит влюбленного старика за решетку, а его молодую любовницу сделает распорядительницей состояния. Линн даже не сомневается, что за право раз в полгода увидеть ее через стеклянную переборку он отдаст ей все, что имеет.

Однако в последний момент Нелсон отказывается следовать предельно простой схеме. Веселый танцор, кареглазый соблазнитель, любитель беззаботной жизни, нет, ну скажите, зачем ему кого-то убивать? В отличие от своего родного папы, он не искал ночлега на теплой платформе сабвея, в отличие от мамы, не жил на чек по нетрудоспособности, в отличие от сестер, не воспитывал кагал детей от многочисленных мужей и любовников. У него было все, но, как уже говорилось, он был не прочь урвать от жизни еще немножко.

Поглаживая приникшую к его груди Линн, он вполуха слушает знакомую песню о том, как они будут потом жить в шато на берегу горного озера.

— Там так красиво, ты даже не представляешь.

— Ага, — соглашается он.

Отказавшись от убийства, Нелсон не отказывается от намерения заработать. Связавшись с мадам Аппельбаум по телефону, он предлагает ей купить у него фотографии ее мужа в обществе любовницы. Чисто теоретически сделать такие снимки несложно, установив в квартире, где он постоянно бывает, камеру.

— Вы можете достать такие снимки? — Нелли (так зовут мадам Аппельбаум) придавливает ладонью разволновавшееся сердце.

- Да. Это будет стоить 25 тысяч баксов.
- Очень много, давайте сойдемся на десяти.
- Это не так просто, как вы думаете. И вопрос я решаю не один.
- Частный детектив сделает нужные снимки за меньшую сумму.
- Я сам частный детектив, поэтому я вам говорю, что завтра вам такие снимки по заказу не сделает никто. Это требует времени. И потом, вы можете их спугнуть. А я этими снимками располагаю уже.
- Хорошо, я могу поднять сумму, но ненамного.

Удача сама идет в руки Нелли. Нежданно-негаданно она получает возможность реализовать идею, которая еще совсем недавно казалась ей несбыточной мечтой. В конечном итоге, что эти 25 тысяч в предстоящей битве за миллионы? Семечки! Выяснить бы только, не аферист ли этот фотолобитель.

Но как уверенно этот парень говорит по телефону! Какой у него завораживающий тембр голоса! Артист! Но одно дело болтать в трубку, лежа на итальянском кожаном диване, другое — установить камеру или найти человека, который это сделает быстро и незаметно для хозяев дома. Например, пока он выйдет с ней на ланч. Но у него нет ключа от ее квартиры. Она всегда открывает ему сама. Значит, надо сделать второй ключ, потом войти в дом с этим специалистом, потом уговорить ее выйти, чтобы специалист тем временем вошел и установил все, что надо. А если придет Леон? Проклятье, как все сложно! При этом старая вешалка постоянно торопит его и, кажется, готова заплатить всю сумму.

Короче говоря, пока бестолковый танцор просит у Нелли еще несколько дней, чтобы окончательно согласовать вопрос цены, Леон включает установленный в квартире любовницы компьютер, чтобы проверить что-то на интернете. Допустим, освежить в памяти данные интересующей его тяжбы в интернетовском архиве Верховного суда штата. Он включает компьютер и видит, что в электронном почтовом ящике появилось письмо. Интересно, от кого оно? Так он открывает переписку Линн с молодым любовником и узнает о разговоре.

Его первая реакция — потенциального убийцу надо немедленно остановить, и он вызывает полицию. Он ждет чего угодно, но не этого: Линн в наручниках отправляют для допроса в полицию, а затем — за решетку, где она проведет несколько месяцев в ожидании суда. Но не коварная измена заставляет Леона рыдать всю ночь напролет в пустой квартире, а то, что он оказывается отвратителен той, которая столько раз клялась ему в любви! О лгунья! Кусок дерьма! Еханная сука! Настолько, насколько он бого-

творит ее тело, настолько его — вызывает у нее гадливость. Он размазывает соленые слезы по тронутым седой щетиной щекам. За окнами погруженной во мрак квартиры мерцают огни города, где он так безуспешно пытался найти счастье.

Нелсон, арестованный следом за Кроссбин, тут же соглашается сотрудничать со следствием, и детективы располагают всей историей болезни любовно-финансового треугольника еще до того, как Леон нанимает коллегу-адвоката для защиты любимой.

Да, пусть все смеются над ним! Пусть хохочут светские хроникеры "Нью-Йорк пост" и "Дейли ньюс", весь белый свет. Он не может, он не хочет и он не будет жить без запаха ее тела, без ее сладких губ, без ее... Ах, что толку перечислять детали! Без нее.

Как меняет человека тюрьма! Всего две недели в камере, и вот уже изменница молит простить ее и целует ему руки. В комнате для свиданий она плачет, как малое дитя. И он тоже не в состоянии сдержать слез обиды, благодарности, любви. И вот этих слез уже становится так много, что когда я ударяю по клавиатуре, они просто так и брызжут из-под пальцев! Нет, если мои герои будут так много плакать, мне точно придется работать в галошах! Скорей бы конец этой мыльной опере.

Короче, через несколько месяцев и сот тысяч долларов Линн Кроссбин освобождают условно-досрочно, и они расписываются.

Леон больше не будет работать. Работа отнимает столько сил и времени. А он хочет ежеминутно быть со своим сокровищем. После дележа имущества и развода он решил покинуть Нью-Йорк. Они будут жить полгода в Майами, а остальное время в шато, которое он купил на берегу озера недалеко от Женевы. Прекрасное место, чтобы растить детей. А медовый месяц они проведут на его яхте в Карибском море. Когда-то они были на этой яхте украдкой от мадам Аппельбаум, но сейчас по итогам передела имущества яхта принадлежит всецело им.

Что до Нелли, то она сейчас пытается утопить пережитое в бокале рихи, который ей подали в тенистом садике ее любимого севильского ресторана "Кораль дель аква". Оставшись одна, она стала тем, кем хотела быть всю жизнь — путешественницей. Она отправилась в неторопливое турне по всем тем местам, которые приглянулись ей за последние 20 лет стремительных — галопом по европам — отпусков с мужем. Бывшим мужем. Она двинулась по карте воспоминаний, даже не предполагая, что маршрут оборвется всего через месяц в ее родной Одессе. Она купит старую квартиру родителей у новых владельцев, узнав, что неизлечимо боль-

на, а лечиться — только продлевать агонию. Мысль о том, что она уйдет из жизни там, где пришла в нее, успокоит ее. Ее постель будет стоять у окна, выходящего во двор с акациями. Она будет слушать голоса соседей, шум воды в дворовом кране, крадущиеся шаги голубей по карнизу. Но почему, почему судьба оказалась так несправедлива к ней? Не спрашивайте.

Но пока она еще ничего не знает. Время от времени мучающую ее тошноту и головную боль списывает на стресс, пережитый перед разводом и во время самого развода. Подонок! Он готов был отдать ей все, чтобы только больше не видеть ее, не слышать ее голоса. И ради кого?!

— Мадам будет десерт? — официант нависает над ней, как торeadор над быком.

— Да. Сделайте мне мороженое с фидами.

Кого уже интересуют эти калории, холестерин, сахар, талия, бедра? Не ее!

— И рюмку амаретто ди сарроне! — добавляет она.

Старуха Мизлинг, живущая со мной на одной лестничной площадке и ежедневно прочитывающая от корки до корки "Нью-Йорк пост", со знанием дела заявляет:

— Леон — юрист самой высокой квалификации. Эти люди не такие простые, как вы думаете. Он мог спокойно засадить эту мерзавку на всю оставшуюся жизнь, а потом найти себе новую подружку. Мало ли таких стервятниц ежедневно слетается в Нью-Йорк? И он мог бы еще выбирать: японку, русскую, немку! Послушайте меня: он прекрасно знал, что жизнь с ним будет для нее хуже любой тюрьмы! И он наверняка составил брачный контракт так, что в случае малейшей провинности она прямым ходом отправится на нары!

Старуха Мизлинг тычет суставчатым пальцем правой руки в раскрытую ладонь левой.

— Малейшей провинности!

— Какой, например? — интересуюсь я.

— Не-вы-пол-не-ния су-пру-же-ских обя-зан-ностей! — неистовствует моя соседка. — Как вы не понимаете, это самая настоящая месть! Он прекрасно знал, что следующая молодка отколет точно такой же номер, поэтому решил ограничить свои хлопоты возней с одной!

В отличие от старухи Мизлинг я не в курсе светских сплетен и склонен больше доверять логике образа. А она подсказывает совершенно другое. Вы видели их, вышедших на яркое флоридское солнце после росписи, ослепленных вспышками наглых фоторепортеров? Точеную статуэтку на высоких каблучках, прикрывающую детской ладошкой растерянное

жабье личико? Его, крюконосого, вжимающего лысую в коричневых пятнах голову в плечи громоздкого пиджака, не слышащего из-за праздничного звона в ушах обращенных к нему вопросов, дрожащей рукой освобождающего проход к лимузину.

На этом репортаж из Майами завершился, диктор объявил новую тему. Сенатор-демократ Джон Эдвардс из Северной Каролины принял решение избираться в президенты. Как говорила моя бабушка: у каждого Абрама — своя программа!

Но я предлагаю продолжить майамский репортаж мысленно. Представим себе, что включается камера, установленная в салоне лимузина.

— Боже, какая жара! — Леон наклоняет плечи вперед и отводит руки, давая пиджаку соскользнуть на сиденье. Обтянутый белой рубахой живот тяжело накатывает на колени, подмышками юриста — темные пятна. Невеста сбрасывает фату и просит что-нибудь выпить.

— Сейчас, моя королева, — молодожен достает из холодильника бутылку "Кристалла". Хлопает пробка. Белая пена торопится к высоким хрустальным краям. Леон отпивает из своего и тяжело соскальзывает с сиденья. Обняв любимые ноги, покрывает их поцелуями, бережно снимает остроносые стилеты от Маноло Бланика, освобождает маленькие пальчики с красными, просто игрушечными, ноготками. Как он любит их! Каждый в отдельности и все вместе! Он осторожно наклоняет бокал, поливая их шампанским, потом старательно слизывает, слизывает, слизывает, пока вкус вина не уступает место знакомому до слез, до сердечного спазма запаху ее кожи.

Мама моя родная, нет, это меня, кажется, сильно занесло! Давайте представим картину поспокойней. Поспокойнее. Пусть шампанское откроет поджидавшая их в лимузине мать Линн, специально прилетевшая на свадьбу из Женевы мадам Б.

— Я так счастлива за вас, — говорит она с этим гадким французским акцентом, за который ее хочется задушить. Хотя, будь на то воля Леона, он задушил бы ее за то, что она дожила до возраста его старой жены, что само по себе является преступлением против человечности.

— Я пью за то, чтобы у вас теперь было все только хорошо! — поднимает тост мадам Б. — Да благословит вас Господь! God bless!

Выпив и аккуратно устроив пустой бокал на специальной полочке в дверце машины, Леон берет белоснежную ручку Линн своими большими, с блестящими от маникюра ногтями, прижимает к губам.

— Действительно, Господи, — думает он. — Хоть бы на этот раз все бы-

ло хорошо. Ты слышишь меня, Господи? Ни о чем больше не прошу, Ты слышишь меня?

Нет, вы как хотите, но сказать, что Леон мстит вытащенной им из тюрьмы Линн Кроссбин, все равно, что сказать, что князь Дракула мстил своей любовнице! Отбери у него этот волнующий изгиб женской шеи, эту белоснежную кожу с пульсирующей на ней голубой жилкой, эту молодую кровь, что останется старому упырю, кроме сырой земли да дикого воя зимнего ветра над его могильной плитой?

Нью-Йорк

Ассамблея

Я анатомирую курицу. Делаю это с уверенностью квалифицированно-го хирурга, ибо тренируюсь трижды в неделю, когда варю бульон своему шестимесячному чаду.

Мама и журнал "Здоровье" утверждают, что куриный бульон укрепляет младенческие кости. Я с готовностью принимаю эту аксиому, еще не даваясь вопросом, почему столь неоспоримый друг нашего детства становится столь же коварным врагом нашей старости.

Я анатомирую курицу под мажорный аккомпанемент радиоточки, вещающей о непрерывно снижающейся себестоимости за счет не менее непрерывно повышающейся производительности. Завораживающее ее сладкозвучие не нарушает моей сосредоточенности, тем не менее, заставляет производить подсчеты, из коих следует, что восьмирублевый мой цыпленок давно бы должен достаться мне бесплатно. Мама говорит, что я слишком много хочу, и что восемь рублей — это тоже даром.

Тем временем вспоротая и распятая тушка обнажает свои внутренности и среди них белесую, непропорционально раздутую печень.

Мама ахает: "Это — цирроз!".

— Да, — предполагаю я. — У цыпленка, наверно, был пьющий хозяин.

— Сколько печенки! — прыгает от радости старший мой отпрыск, шестилетняя Ринка, и требует немедленно пожарить ей сей деликатес. Мама шумит по поводу халтурной ветслужбы на Привозе, а я трепетно вычитаю из суммы в шкатулке еще восемь рублей на нового цыпленка и в страхе делю остаток на дни до полочки.

Из парализующего арифметического транса меня выводит все тот же аккомпанемент радиоточки, сменившей на сей раз свои солнечные интонации на предгрозовую глас.

Еще неосознанное будоражащее чувство овладевает мной при сих торжественных звуках. В глазах у мамы испуганное недоумение.

"...Куда зовет их Голда Меир? — рокочет глас. — Домой? На землю обетованную? Своими ядовитыми щупальцами сионистский спрут надеется отравить сознание советского человека!.."

Мама тревожно вздыхает. Между тем наш зловещий защитник требует воздвигнуть заслон "проискам махрового империализма и мирового сионизма".

Придавленная всем услышанным, я рассеянно обращаюсь к маме: "Сионизм — это что?".